

РУКАМИ НАРОДА: СЛЕДОПЫТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1960–1980-Х ГГ. В СССР

Екатерина Александровна Мельникова

Европейский университет в Санкт-Петербурге

6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия

melek@eu.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена истории возникновения и развития следопытского движения в Советском Союзе и ставит перед собой две основные цели: показать противоречивость взаимоотношений следопытов и государства в 1960–1980-е гг. и проследить внутренние механизмы движения, определившие его роль и значение в советской повседневности брежневского времени. В работе последовательно рассматриваются мемориальная политика в отношении военных погребений времен Великой Отечественной войны, спровоцировавшая первые инициативы следопытов, последующая политическая инструментализация поисковой работы и специфика деятельности следопытов, реконструированная на основе архивных материалов одного из провинциальных клубов красных следопытов. Специфика советской кампании по увековечиванию памяти о войне заключалась в передаче коммеморативных функций местным активистам, которые становились не только «гласом», но и «руками народа», создающего собственную память о прошлом, что определяло ее легитимность и способность стать основой национальной идеи. Как и в случае с другими социальными движениями, получившими в 1960–1980-е гг. официальную государственную поддержку, результатом этой политики стала активизация местных инициатив, которые, в свою очередь, приводили к открытию и пересмотру местной военной истории. Следопыты оказывались главными экспертами в области локального прошлого и основными агентами локальной мемориализации, сохраняя при этом предписанный им государством статус добровольных молодежных организаций, преследующих исключительно воспитательные и развлекательные цели. Противоречивость советской политики памяти привела к дистанцированию поисковиков от государственных институтов, которая сохраняется и сегодня.

Ключевые слова: поисковики, красные следопыты, антропология памяти, история застоя, социальные движения, СССР.

Для ссылки: Мельникова Е. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 20–53.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-20-53

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/melnikova.pdf>

BY THE PEOPLE'S HANDS: THE SLEDOPYT MOVEMENT IN THE USSR OF THE 1960–1980S

Ekaterina Melnikova

European University at St Petersburg

6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia

melek@eu.spb.ru

Abstract: The paper is concerned with the development of the search movement in the USSR and aims at two main goals: to recover the contradictions in the relationship between the *sledopyty* (pathfinders) and the state in the 1960–1980s, and to identify the inherent mechanisms of the movement which shaped its role and significance in the everyday life of the Soviet people in the Brezhnev era. The article is broken into several sections focused on memorial politics towards the war burials which provoked the first searching initiatives in the post-war Soviet Union, the subsequent political instrumentalization of the searching movement and the forms of the everyday pathfinders' activity reconstructed via the archival materials of the provincial Red Pathfinders Club. The Soviet war commemoration campaign relied on the transference of commemorative roles to local activists who served to legitimize the national war memory being not only *vox populi* but rather *manus populi* — the nation's hands which created their own memory. The results of such a politics were similar to the other cases of the state-supported social movements in the 1960–1980s and provided for development of social activity on grass-roots level followed by the discovery and revision of local history. The searchers became the key war history experts on the local ground and the principal agents of local commemoration keeping the prescribed official status of voluntary youth organizations with only entertaining and educational goals. The Soviet memorial politics controversies made for creation of a fundamental rupture between the searchers and the state which still remains vital until today.

Keywords: searchers, red pathfinders, anthropology of memory, history of the stagnation, social movements, USSR.

To cite: Melnikova E., 'Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-kh gg. v SSSR' [By the People's Hands: The *Sledopyt* Movement in the USSR of the 1960–1980s], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 37, pp. 20–53.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-20-53

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/melnikova.pdf>

Екатерина Мельникова

Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР

Статья посвящена истории возникновения и развития следопытского движения в Советском Союзе и ставит перед собой две основные цели: показать противоречивость взаимоотношений следопытов и государства в 1960–1980-е гг. и проследить внутренние механизмы движения, определившие его роль и значение в советской повседневности брежневского времени. В работе последовательно рассматриваются мемориальная политика в отношении военных погребений времен Великой Отечественной войны, спровоцировавшая первые инициативы следопытов, последующая политическая инструментализация поисковой работы и специфика деятельности следопытов, реконструированная на основе архивных материалов одного из провинциальных клубов красных следопытов. Специфика советской кампании по увековечиванию памяти о войне заключалась в передаче коммеморативных функций местным активистам, которые становились не только «гласом», но и «руками народа», создающего собственную память о прошлом, что определяло ее легитимность и способность стать основой национальной идеи. Как и в случае с другими социальными движениями, получившими в 1960–1980-е гг. официальную государственную поддержку, результатом этой политики стала активизация местных инициатив, которые, в свою очередь, приводили к открытию и пересмотру местной военной истории. Следопыты оказывались главными экспертами в области локального прошлого и основными агентами локальной мемориализации, сохраняя при этом предписанный им государством статус добровольных молодежных организаций, преследующих исключительно воспитательные и развлекательные цели. Противоречивость советской политики памяти привела к дистанцированию поисковиков от государственных институтов, которая сохраняется и сегодня.

Ключевые слова: поисковики, красные следопыты, антропология памяти, история застоя, социальные движения, СССР.

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением советской истории в целом и периода застоя в частности, стала проблема активности / пассивности советского субъекта в отношениях с государственной властью. Несмотря на многие попытки отказать от самой дихотомии «власть — общество»¹, диктующей необходимость решать этот вопрос, противопоставление государства, олицетворением которого служит Московский Кремль, и людей, расположенных туманной массой где-то у его подножия, до сих пор остается одним из доминирующих аналитических конструкторов².

Екатерина Александровна
Мельникова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
melek@eu.spb.ru

¹ Несмотря на острый ревизионизм тоталитарной модели советологии в 1960–1980-х гг., одним из основных тезисов которого была неспособность модели «власть — общество» объяснить специфику феномена «советского», необходимость подобной критики по-прежнему сохраняет актуальность [Хельбек 2010; 2015: 34–40; Юрчак 2016: 38–44].

² Один из недавних примеров использования этой модели — доклад Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России?», опубликованный на сайте Комитета гражданских инициатив в 2017 г. Результаты масштабного социологического исследования, представляющие сложную картину современной коллективной памяти в России, были сведены к минималистичной конструкции. Авторы доклада выделили «первую» и «вторую» память, одна из которых — это «государственная память, героизированная версия государственного прошлого, внедряемая государственной политикой через медиа и официальные праздники», а вторая — «совокупность форм памяти, соединяющих индивида с более широким сообществом памяти через историю семьи,

Так называемое «патриотическое воспитание» — понятие, снова вошедшее в моду в последние годы, — используется в исследовательской историографии как один из наиболее показательных примеров политической индоктринации населения и манипуляции общественным сознанием. Существование государственного заказа на патриотическое воспитание, обозначенного в пятилетних государственных программах «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», регулярно возобновляемых начиная с 2001 г., придает всем формам социальной деятельности, подпадающим под эти программы, значение политически ангажированных и представляющих результат идеологического манипулирования.

Именно в этом контексте, как правило, рассматривается поисковое движение в современной России и его более ранняя форма — следопытское движение 1960–1980-х гг. «К 1965 г. идея военно-патриотического воспитания, — пишет Николай Митрохин, — получила мощный толчок, спровоцированный политическим и социальным заказом — празднованием 20-летия победы в ВОВ. Победа, ставшая главной идеологической ценностью и символом успехов общества, в рамках разворачивающейся долгосрочной пропагандистской кампании использовалась, в частности, как средство, способное вернуть негативистски настроенную молодежь в рамки официальной идеологии социалистического общества, предотвратить заметный разрыв поколений, “срастить” воевавших “отцов” и “детей” послевоенного беби-бума» [Митрохин 2003: 276]¹. В этом контексте поисковое движение понимается как инструмент прямого политического давления и контроля, один из вариантов так называемых культурных технологий управления. Следопытское движение 1960-х гг. удовлетворяло государственной стратегии, нацеленной на усиление легитимности советского режима, прекрасно согласуясь с идеологической концепцией, ставившей во главу угла сакральность Великой Отечественной войны и образ героической победы и позволяя попутно решить проблему идеологизации молодежи. Нетрудно заметить, что эти выводы легко проецируются и на современную ситуацию в России.

Наряду с версией политического заказа, сегодня получили распространение и две другие модели интерпретации поискового и следопытского движения. «Героизирующая» модель представлена в огромном количестве современных исторических

города, края (“народная память”») [Рубцов и др. 2017]. Подробную критическую рецензию на этот проект опубликовал Алексей Голубев [Голубев 2017]. См. также материалы дискуссии в журнале «Историческая экспертиза»: [Дискуссия 2017: 27–103].

¹ См. также: [Цуканов 2016].

и публицистических текстов, ориентированных на легитимацию нынешней концепции военно-патриотического воспитания. Активно используя героизирующую метафорику и стилистику, авторы, следующие этой модели, отводят ключевую роль в развитии следопытского движения государству. Так, автор диссертации «История молодежного поисково-краеведческого движения в России в 40-е — начале 90-х годов XX века: на материалах Курской области» определяет актуальность темы исследования «местом и ролью патриотического воспитания населения, необходимостью передачи социального опыта из поколения в поколение» [Мелихова 2011: 3]. «В этой разветвленной и гибкой ценностной системе обеспечения национально-государственной безопасности, — продолжает автор, — одно из ведущих мест занимает молодежное поисково-краеведческое движение» [Там же].

Другая модель (назовем ее условно «романтизирующая») представляет главным образом взгляд самих поисковиков и ветеранов следопытского движения, отраженный в воспоминаниях [Иконников, Тарасов 1982; Клейменов 1990; Лишин, Лишина 1990; Воспоминания 2013], обсуждениях на страницах интернет-форумов и в ряде академических публикаций, среди которых, наверно, самый яркий пример — это книга Нины Тумаркин «Живые и мертвые: взлет и крушение культа Второй мировой войны в России» [Tumarkin 1994]. В рамках этой модели поисковое движение интерпретируется как гражданская инициатива его участников, подвиг, совершаемый во имя памяти о войне, главным девизом которого стала фраза, приписываемая Александру Суворову: «Война не закончена, пока не похоронен последний погибший солдат»¹.

Грань между героизирующей и романтизирующей версиями следопытского движения вполне отчетливо проходит по линии отношения к государственной политике памяти. В одном случае следопыты идут рука об руку с государством, в другом — совершенно самостоятельно и нередко в противоположном направлении. Одну из своих заметок, размещенных на официальном портале Союза поисковых отрядов (СПО), председатель его правления Ю.А. Смирнов назвал «Особенности национального беспамятства, переходящего в маразм» [Смирнов Б.г.]. Тема «беспамятства» или «непамяти» (именно так назывался специальный раздел на сайте СПО²) проходит красной нитью через обсуждения современных поисковиков.

¹ Эта фраза была также использована в качестве названия диссертационного исследования Йоханны Далин, посвященного работе поисковиков группы «Ингрия» [Dahlin 2012].

² Этот раздел был удален с сайта в конце 2017 г., а упомянутая статья Ю.А. Смирнова — в апреле 2018 г.

Несмотря на большой размах политической инструментализации следопытского движения, в котором не приходится сомневаться, его начало и развитие были обусловлены внутренними механизмами, мотивами и интерпретациями. Более того, государственная поддержка следопытов, ставшая заметной с середины 1960-х гг., привела к противоречивым последствиям. Анализируя материалы о развитии краеведения в СССР в 1950–1970-х гг., Виктория Донован приходит к выводу, вполне применимому и к истории следопытского движения: «[Р]езультатом популяризации локальной памяти, насаждавшейся из центра и нацеленной на укрепление советского режима, в период, наступивший после 1953 г., стало тем не менее укрепление в регионах местной идентичности и ощущения культурной специфичности. Официальные попытки государственных институций стимулировать местный патриотизм с помощью празднования местных годовщин стали частью живого опыта советской жизни, укрепляя границы сообщества через акты коллективного исполнения и культурного потребления» [Донован 2012: 400; Donovan 2015: 478]. Поддержка следопытского движения, развернувшаяся в те же годы, привела к похожим результатам — усилению локальной идентичности и местного гражданского активизма, определивших, в свою очередь, развитие критической рефлексии в отношении государственной политики памяти.

В этой работе я ставлю две цели. Одна из них заключается в том, чтобы показать неоднозначность взаимоотношений следопытов и государства, подчеркнув активную роль следопытов в производстве материальной памяти о войне в эпоху брежневского застоя. Вторая цель — проследить внутренние механизмы следопытского движения, определившие его роль и значение в советской повседневности 1960–1980-х гг.

Противоречивость брежневской эпохи, ставшая определяющим маркером этого периода в современной историографии, проявилась не только в том, что «брежневская эра была одновременно временем модернизации, стабильности, достижений и временем упадка, стагнации и коррупции» [Hanson 2006: 295], но и в специфических формах социального оживления, повсеместно охватившего многие стороны жизни советских людей. В эти годы стремительно разворачиваются не только следопытское и краеведческое движения, но и движение по охране памятников, спортивное, туристическое, ветеранское и, вероятно, многие другие¹. Все они коренились в разрознен-

¹ См. о развитии краеведческого движения: [Donovan 2015: 467–468], ветеранского движения: [Edele 2008: 175], движения по охране памятников: [Хоскинг 2012: 409], о поддержке писателей-деревенщиков: [Разувалова 2015: 16]. Целью создания общего мифа, способного обеспечить

ных низовых инициативах 1940–1950-х гг., а в некоторых случаях и более раннего времени, но официальную государственную поддержку эти движения получили с середины 1960-х, что сделало возможным их институализацию в форме различных общесоюзных и местных организаций и, как следствие, стремительное распространение по всему Советскому Союзу.

Политика государственной поддержки социальных инициатив обычно объясняется наступившим после смерти Сталина кризисом советской системы и вынужденным поиском новых ресурсов и способов ее поддержания в функциональном состоянии. Ицхак Брудный использовал для характеристики отношений советского режима и групп русских националистов понятие «политика включения», подразумевая создание в 1960–1970-е гг. так называемых «артикулированных аудиторий», призванных выполнять предписанные им роли и тем самым молчаливо поддерживать существующий государственный порядок [Brudny 1998: 16]. По мнению Джеффри Хоскинга, «общенародная социалистическая демократия», провозглашенная Никитой Хрущевым на XXII съезде партии и реализованная в том числе в форме поддержки социальных движений, стала общим ответом на проблему кризиса доверия власти внутри страны и за ее пределами [Хоскинг 2012: 313–314]. Случай следопытского движения был лишь одним из вариантов этой политики.

В то же время материалы по различным движениям 1960–1980-х гг. в равной степени позволяют повторить вывод, сделанный Марком Эделе в отношении развития ветеранских организаций. «Эволюция ветеранского движения не может быть понята как простой результат давления снизу или воздействия сверху. Она требовала изменений в государственной политике, которые допустили бы актуализацию, легализацию, формализацию и дальнейшее развитие уже существовавших массовых стремлений, социальных отношений и организационных форм, которые, в свою очередь, влияли на то, как ветераны думали, чувствовали и действовали» [Edele 2008: 155]. Ни одно из широко развернувшихся в эти годы социальных движений «не было просто искусственным порождением государства, но было тесно связано с эмоциональным и психологическим климатом, а также социальными отношениями этого времени» [Ibid.].

Следопытское движение не было исключением. Став одним из самых заметных социальных явлений брежневского времени,

общенародную поддержку «слабеющей системы», Нина Тумаркин объясняет и рождение кампании по сакрализации войны и великой победы, включающей целый ряд общесоюзных мероприятий [Tumarkin 1994: 8].

оно коренилось в разрозненных послевоенных инициативах, отразивших противоречия в политике памяти по отношению к «телам» и «местам» военной смерти. Первые «следопыты» не были связаны друг с другом и не преследовали цель изменить саму мемориальную политику, но к середине 1960-х гг. движение получило мощную институциональную поддержку, задавшую его общий формат и стилистические контуры, одновременно поставив на повестку дня вопрос о том, какую роль государство должно играть в мемориализации военного прошлого.

Первая часть этой работы посвящена характеристике советской мемориальной политики в отношении военной смерти, противоречивость которой спровоцировала социальную активизацию в этой области. Во второй части я обращаюсь к истории инструментализации следопытских инициатив в 1960–1970-е гг. и специфике конструирования того явления, привычным названием которого стало «следопытское движение». И, наконец, в третьей части, используя материалы небольшого провинциального клуба красных следопытов, я пытаюсь рассмотреть деятельность его «рядовых» членов и мотивы, которые определяли развитие движения с середины 1960-х до конца 1980-х гг.

«Тела» и «места» военной смерти

От южного края могилы 1-й в первом ряду, от северного края 3-й во втором ряду, считая сверху¹.

В воспоминаниях многих следопытов отправной точкой личной истории «поиска» оказывается столкновение с неправильной смертью. Речь идет не о смерти во время боя: первые следопыты были ветеранами и сами прошли войну, для них смерть на поле сражения не была чем-то новым. В воспоминаниях описывается столкновение со смертью в мирное время. «И вот, когда мы пришли на болото, я впервые увидел очень близко людей, погибших еще в 42-ом году. Их зарыть никто не успел, потому что территорию потом заняли немцы, это их тыл был, ну немцы, все знают, наших не хоронили, а на болоте убитые сохранялись, и имели такой вид, как будто убиты они были совсем недавно. И в первом походе меня поразила одна такая деталь: когда мы с матерью шли по болоту, я увидел лису: об этом, конечно, страшно говорить, но было это так: лиса

¹ Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время (15 марта 1941 г.).

что-то вроде глодала там. Когда я ее отогнал и подошел, я увидел лежащего старшего лейтенанта» [Воспоминания 2013: 87]. Этот сюжет из воспоминаний Н.И. Орлова о первом столкновении в 1946 г. с Долиной Смерти в Мясном Бору характерен для многих мемуаров. Самым ярким впечатлением, оставшимся в памяти, оказывается вид непохороненных солдат, лежащих на поверхности земли.

В центре воспоминаний 1960–1970-х гг. — не удивление, вызванное самой смертью, и даже не отсутствие «должной памяти» (эта тема появится позднее), а обнаружение «бесхозной» смерти, мертвых тел, лишенных «правильного» места погребения.

Как убедительно показала Кэтрин Вердери, политика смерти является важным инструментом организации и трансформации сообществ [Verdery 1999: 108]. «Перезахоронение умершего означает не просто переоценку его места в истории, но и пересмотр национальных генеалогий и создание родословной заслуженных предков» [Ibid.: 104]. Советская политика в отношении мертвых тел времен Второй мировой войны открывает удивительную историю разделения смерти на «тела» и «места», ставшие частью различных сфер контроля, практик и дискурсов. «Места» еще до конца войны попали в область мемориальной политики. «Тела» же оставались исключительно предметом статистики и учета. По мере того как учет военных потерь терял свою актуальность и, более того, постепенно становился предметом умолчания, мертвые тела все больше предавались забвению [Конасов, Судаков 1997]. Различная история «тел» и «мест» военной смерти во многом определила ту картину, с которой столкнулись первые следопыты.

С начала войны контроль над мертвыми телами погибших бойцов лежал на армейских структурах. Положение о персональном учете потерь¹, определявшее вплоть до 1944 г. правила обращения с погибшими, возлагало на командиров, штабы армии и Управление по укомплектованию войск обязанность «строго контролировать учет и своевременное представление списков безвозвратных потерь». «Смерть» в этом документе означала «убытие», «потерю личного состава» и была тесно связана с вопросами дальнейшей мобилизации и снабжения. Статистика потерь ставилась на первое место.

Проблема погребения тоже оговаривалась в документе, но ее решение было подчинено утилитарным нормам, опреде-

¹ Полное название: Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время. Издано вместе с приказом № 138 от 15 марта 1941 г.

лявшим мертвые тела как представлявшие санитарную опасность для живых: их следовало максимально вывести за границы жилого пространства. Место для погребения должно было выбираться не ближе 300 м от источников водоснабжения и населенных пунктов, жилых помещений и больших дорог. На могильном холмике следовало поставить пирамиду, сделанную из досок или камня, а на ней — написать или выжечь номер могилы. Никакие другие знаки, имена, даты и т.д. на могиле не допускались. Такие погребения служили безликими саркофагами, цель которых заключалась в том, чтобы максимально изолировать мертвые тела от живых. Положение никак не оговаривало дальнейшую участь могил, выходявших из-под военной юрисдикции. В документе также ничего не сообщалось о том, что следовало делать с трупами солдат армии противника.

Вышедшее через год короткое постановление Государственного комитета обороны¹ возложило эту ответственность на местные администрации — исполкомы областных и местных Советов депутатов трудящихся, которым предстояло организовать специальные команды из местных граждан, чьими силами проводить сбор и погребение трупов вражеских солдат, ликвидировать неприятельские кладбища, проверять состояние братских могил бойцов и командиров Красной Армии, производя в случае необходимости перезахоронение². Таким образом, учет потерь находился с этого времени в ведении армии, а сами могилы оказывались на попечении гражданского населения.

К концу 1943 г. места захоронения вторгаются в сферу жилого пространства. Приказом наркома народного хозяйства РСФСР и начальника тыла Красной Армии № 644³ обязанность содержания могил переходит к республиканским, краевым, областным и городским отделам коммунального хозяйства. Участие военного ведомства сохраняется в вопросах учета братских и индивидуальных могил и установки памятников. С этого времени ответственность за военные захоронения несли коммунальные службы совместно с военными комиссариатами. С выходом этого приказа символическое значение «боевой

¹ Полное название: Постановление № ГОКО-1517 Государственного Комитета Обороны от 1 апреля 1942 г. «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника».

² Сбор, документирование и захоронение трупов бойцов и командиров Красной Армии непосредственно на полях сражения предполагалось производить по-прежнему войсковыми частями в соответствии с порядком, ранее установленным НКО.

³ Приказ Народного Комиссара Народного Хозяйства РСФСР и Начальника Тыла Красной Армии № 644 от 29 декабря 1943 г.

смерти» изменилось: ключевыми понятиями стали не учет и санитарное состояние, а «благоустройство» и «культурное содержание» могил офицеров и бойцов Красной Армии. Приказ требовал «привести все военные кладбища в благоустроенный вид», обеспечить устройство оград, дорожек и зеленых насаждений. Таким образом, погребения становились частью ландшафта, к которому применялись критерии красоты, культуры и благоустроенности.

Уже в 1944 г. места смерти становятся полноценными объектами мемориальной политики. 14 февраля был издан приказ народного комиссара обороны СССР № 023, вводивший в действие «Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время)». За все годы войны это был первый документ, в котором подробно описывались процедуры погребения погибших. Оставляя сферу погребений в компетенции полковых командиров, которые должны были назначать специальные команды погребения, этот документ содержал несколько новшеств. Во-первых, он делал возможным захоронение погибших из рядового состава в индивидуальных могилах. Во-вторых, на памятнике, установленном на месте захоронения, теперь требовалось делать надпись с указанием звания, фамилии, имени и отчества всех погибших, а также даты гибели. В-третьих, к месту для погребения теперь применялись совершенно новые критерии: «Для могил выбираются лучшие места как в населенных пунктах, так и прилегающей к ним местности: кладбища, площади, парки, скверы, сады, а вне населенных пунктов — курганы, роши, перекрестки дорог и т.д.». Превращение статистических единиц военной смерти, представляющих угрозу живым, в памятники означало не только указание личных данных на пирамидах, но и перенос самих могил из мест, удаленных от населенных пунктов, в их центр: на площади, в скверы и парки.

Послевоенная политика мемориализации мест военных захоронений продолжает тенденцию, намеченную в «Наставлении по учету» 1944 г.: военные кладбища официально становятся «памятниками культуры». 14 октября 1948 г. вступило в силу постановление Совета Министров СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», а 28 мая 1949 г. была утверждена инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР¹. Согласно этому документу, сооружения и места, связанные с Великой Отечественной войной,

¹ Полное название: Постановление Совета Министров РСФСР № 373 от 28 мая 1949 г. «Об утверждении инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР».

падают в число исторических памятников наряду с целым рядом других мест¹ и подлежат учету и охране. Постановление № 373 вводит в обращение паспорта исторических памятников. Именно их заполняли местные жители для регистрации обнаруженных в окрестностях населенных пунктов военных захоронений. Однако списки, составленные в ответ на это постановление исполкомами областных и краевых советов, как правило, не включали ни братских, ни индивидуальных могил.

В перечне исторических памятников, изданном в 1960 г. вместе с постановлением СМ РСФСР № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР», значились только два объекта, связанные с Великой Отечественной войной: братская могила советских воинов-защитников на Мамево кургане и братская могила героев-связистов, павших в боях за Сталинград, в поселке Нижний. Но в аналогичный список, составленный в 1974 г., включены уже десятки братских захоронений. И все-таки даже этот перечень был далеко не полным: большинство индивидуальных и братских могил, разбросанных по территории РСФСР, в него не вошли.

Включение военных захоронений в пространство мемориальной политики имело противоречивые последствия. С одной стороны, погребения определялись как памятники, имеющие государственную ценность. С другой — документ не предполагал и не требовал включения всех захоронений военного времени в число исторических объектов. При этом кодификация захоронений в терминах исторического и культурного наследия касалась только «мест», но не «тел». Сами тела оставались предметами исключительно военной статистики.

С ноября 1941 г. они были подчинены отделу учета персональных потерь на фронтах Главного управления формирования и комплектования войск Красной Армии, вошедшего в состав Управления мобилизации и комплектования армии. Через год, 31 января 1942 г., было создано Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии. Позднее тела рядового состава армии были переподчинены специальному Управлению по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава.

¹ К историческим памятникам также были отнесены сооружения и места, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов СССР, революционным движением, Гражданской войной, социалистическим строительством; памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев и знаменитых деятелей науки, искусства и техники, их могилы; памятники истории техники, военного дела, хозяйства и быта.

В послевоенные годы разделение «тел» и «мест» только усилилось. Отделы учета потерь занимались обращениями из местных военкоматов по поводу пропавших родственников, а существующие могилы становились памятниками военного прошлого наряду с другими историческими местами. Неопознанные трупы солдат и офицеров, остававшиеся на полях сражений, оказывались «телами» без «мест» и не попадали в сферу компетенции ни одной из государственных структур.

Первые поисковики 1940-х гг. не были «следопытами», занимавшимися целенаправленной деятельностью по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне. Это были просто люди, обнаружившие тела, не преданные земле, и могилы, у которых не было хозяев. Следопыты 1940-х — начала 1950-х гг. всего лишь пытались найти этим телам правильные места в мире живых.

«Поиск» и «поход» красных следопытов

В наших кедах вода,
Темный лес под дождем.
Не забыть никогда
Дней походных потом¹.

Активное создание и последующая политическая инструментализация следопытского движения начались в конце 1950-х и приняли общесоюзные масштабы к середине 1960-х гг. Специфика этого процесса заключалась в определении следопытской деятельности как формы молодежного досуга и метода воспитательной работы. Идентификация погибших, поиск родственников, установление памятников, регистрация захоронений и уход за кладбищами оказывались лишь побочным эффектом полезной деятельности следопытов. В то же время следопытские клубы и отряды постепенно становились главными и единственными институтами, выполнявшими коммеморативные функции, связанные с памятью о погибших в Великую Отечественную войну. Несовпадение институциональной роли и социального значения следопытской деятельности также привело к двойственным результатам.

Массовое вхождение красных следопытов в мир советских детей и подростков началось с публикации в ленинградских «Ленинских искрах» истории о Генке-ординарце, которой была отведена вся первая полоса газеты от 26 мая 1957 г. (ил. 1). В ней рассказывалось о том, как мальчик в буденовке пришел

¹ Песня красных следопытов [По стране 1968: 126].

Ил. 1. Красные следопыты. Ленинские искры. 1957, 26 мая. № 42

в редакцию газеты, представившись чапаевским ординарцем, разыскивающим следы командира кавэскадрона 25-й Чапаевской дивизии тов. Кузнина. «— Да ты никак следопыт? — Воскликнули члены редколлегии. — Да, только не простой, а красный следопыт, — ответил Генка» [Красные следопыты 1957: 1]. Так началась игра под названием «Красные следопыты», объявленная «Ленинскими искрами» и продолжавшаяся на ее страницах даже после своего официального окончания в октябре 1957 г. Спустя четыре номера «Ленинские искры» опубликовали приказ Штаба КС [Приказ Штаба КС 1957], устанавливавший правила игры (ил. 2). «Красные следопыты, — говорилось в газете, — ищут затерявшиеся следы героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, места бывших сражений, маршруты партизанских отрядов, могилы отважных бойцов и юных героев, экспонаты, связанные с героическим прошлым. Эти экспонаты сдаются в музей Революции и Истории Ленинграда. Записывают рассказы бывалых людей, старых коммунистов, первых комсомольцев и пионеров, песни и поговорки народов нашей страны. Зарисовывают и фотографируют места бывших сражений за нашу Родину, находки, связанные с историей Советского государства. Юные поэты складывают стихи и песни, посвященные славному истории первого в мире Советского государства. Красные следопыты оставляют о себе добрую память везде, где побывают: восстанавливают могилы героев; оказывают тимуровскую помощь; помогают колхозам, совхозам» [Что надо знать 1957: 1].

Ил. 2. Приказ Штаба КС. Ленинские искры. 1957, 9 июня. № 46

За участие в игре пионерам присваивались почетные звездочки, а те, кто набирал десять звездочек, получали право носить специальную нашивку [Приказ Штаба КС 1957: 1]. В последующих номерах появляется рубрика «КС 1917–1957», в которой публикуются истории поиска отдельных ребят и следопытских отрядов.

Публикации в «Ленинских искрах» стали толчком к социальной мобилизации следопытов и задали формат их будущей коллективной идентичности. Официальные тексты, сопровождавшие победное шествие следопытов по просторам советской родины, наделяли их всеми атрибутами организованного молодежного движения: в «Ленинских искрах» были опубликованы эмблема и песня красных следопытов, а в книге «Гори, костер, ярче!» излагалась образцовая история первых ленинградских поисковиков [Мойжес, Богданова 1959]. «Песня красных следопытов», написанная в 1962 г. А. Пахмутовой на стихи С. Гребенникова и Н. Добронравова, стала самым известным гимном поиску.

В 1968 г. издательством «Молодая гвардия» был опубликован сборник «По стране шагают следопыты», в художественной форме представлявший весь спектр следопытской работы. «Дорогой друг! — говорилось в предисловии. — Книжка, кото-

рую ты держишь в руках, расскажет тебе о красных следопытах. Их отряды шагают по дорогам боевой славы нашего народа, учатся у него мужеству и отваге, учатся любить Советскую Родину так, как ее любили герои». И дальше: «Книга расскажет тебе об увлекательных поисках и интересных находках. Каждая глава ее — одна из страниц большого похода, один из его маршрутов» [По стране 1968: 2]. Истории, помещенные в сборнике, служили указанием направлений поиска. Первые пять рассказов были последовательно посвящены истории фотографии с В.И. Лениным, революционным событиям, Гражданской войне, организации Юных коммунистов, Первой конной армии и гражданской войне в Испании. Остальные тринадцать историй рассказывали о поисках, связанных с Великой Отечественной войной.

Место главных метафор следопытской работы в сложившемся литературном контексте заняли понятия «поиск» и «поход». Именно они были призваны создать романтический ореол и обаяние следопытского движения. «Листаешь истории повесть, и сердце само говорит: “Поиск, да здравствует поиск! Удачи тебе, следопыт!”» [По стране 1968: 115].

Слово «поиск» стало паролем, на который должны были откликаться юные пионеры и комсомольцы. «На одной из фотографий, подаренных нам ребятами, — читаем в истории, рассказанной от лица школьников, — было написано: “Красным следопытам 5-го ‘А’ класса от пионеров московской школы № 288. В память о нашем поиске”» [По стране 1968: 43]. Именно эта подпись, по мысли автора, заставила учеников 5 «А» класса организовать у себя в школе клуб красных следопытов. Даже спустя несколько лет «поиск» звучал в литературных текстах о следопытах как заклинание: «Они были в пятом классе, когда начался первый их поиск. Девчонки носили смешные косички, а мальчишки — челочки или непокорные вихры на стриженных головах» [Кочергина, Новикова 1971: 103].

«Поиск» был формой организации следопытской работы. «Один поиск начинается с выцветшей давнишней фотокарточки. Другой — с гильзы или каски, найденной на месте боя. Третий — с письма ветерана или матери, до сих пор ждущей сына» [Иконников, Тарасов 1982: 12]. Выбирая какой-то один сюжет, школьники затем разматывали его как клубок, пользуясь почти детективными методами работы. Они обращались в архивы, ходили в библиотеки, расспрашивали соседей и переписывались с земляками героя. Так это выглядело в книгах. Но именно потому, что «поиск» был литературным клише 1960–1970-х гг., он выполнял важную дискурсивную роль: книги о следопытах, построенные как сборники историй об отдель-

ных поисках, стали новым жанром местной истории, не известной и не представленной ни в какой другой форме.

«Поход» — вторая метафора, использовавшаяся для описания следопытской работы. Хотя по версии «Ленинских искр» в круг забот красных следопытов попадали местный фольклор, воспоминания ветеранов и даже помощь колхозам и совхозам, следопытское движение ассоциировалось в первую очередь с походами по местам боевой славы. В начале 1960-х гг. такие походы нередко проводились в форме туристических экспедиций, а не следопытских мероприятий. В пьесе Сергея Михалкова «Забытый блиндаж», опубликованной в 1962 г. и поставленной впервые на сцене московского Центрального детского театра в феврале 1963 г., поход школьников по местам боев обсуждается как естественная и понятная читателю форма проведения школьного досуга, а слово «следопыты» ни разу не появляется в тексте. Речь идет исключительно о совместном походе школьников под руководством своего учителя. Одна из первых экспедиций, организованная по местам боев в Новгородской области, состоялась в 1958 г. под руководством московского учителя и фронтовика Юрия Робертовича Барановского [Лишин, Лишина 1990: 41–47] и также была лишена формы организованной следопытской экспедиции¹.

В 1964 г. ЦК ВЛКСМ, Министерство просвещения СССР и ЦК ДОСААФ издают постановление «О дальнейшем усилении военно-патриотического воспитания учащихся и повышении уровня работы организаций ДОСААФ в школах», включающее походы по местам боев и деятельность по организации комнат и уголков боевой славы в число практических мер по «дальнейшему усилению военно-патриотического воспитания учащихся». А в 1965 г., когда начинается общесоюзная кампания мемориализации победы в Великой Отечественной войне, проект создания движения красных следопытов получает новый импульс. 1 июня 1965 г. «Комсомольская правда» публикует воззвание ЦК ВЛКСМ «Подвиг отцов», в котором объявляет о начале Всесоюзного туристского похода молодежи по местам боевой славы советского народа [Подвиг отцов 1965: 4]².

С этого момента «поход» и «поиск» становятся главными символами эпохи, авангардом которой выступают красные следопыты. Сборники 1950–1960-х гг. строились как травелоги

¹ История Всесоюзного туристского похода молодежи по местам боевой славы советского народа и слетов следопытов также вошла в книгу Г.С. Усыскина «Очерки истории российского туризма» [Усыскин 2000].

² Подробнее об истории Всесоюзных походов молодежи по местам боевой славы см.: [Hornsby 2017].

о путешествиях по дорогам памяти и прошлого: «Память зовет в дорогу» [Зефиров 1968], «По стране шагают следопыты» [1968], «По дорогам священным» [1974], «Дорогой героев» [Седина 1974], «Дорогой отцов — дорогой победы» [Грандова, Тимофеева 1974], «Тропою героев» [Сорокин 1977], «Вышли в путь романтики» [Ачмиз 1977] — все это названия книг, посвященных работе следопытов, открывающих неизвестные страницы истории родного края. Не только следопыты, но и вся страна вслед за ними шла по дорогам и тропам великой победы. «Наш поход продолжается, — говорил председатель Центрального штаба Всесоюзного похода маршал И.Х. Баграмян. — Мы все на Марше — маршалы и рядовые, старая и молодая гвардия, ставшие теперь солдатами истории, проводниками новых молодых поколений в мир мужества, памяти, долга» [Иконников, Тарасов 1982: 6]. Юлий Иконников, журналист газеты «Комсомольская правда» и один из активных участников послевоенного мемориального движения, добавляет: «Ведь вся наша жизнь, в сущности, и есть не что иное, как поход по местам народной славы» [Там же: 13].

Всесоюзный поход по местам сражений и ежегодные слеты следопытов, проходившие в разных городах с 1965 по 1987 г., дополняют общесоюзные военно-патриотические игры и экспедиции. В 1967 г. «Пионерская правда» объявляет о старте военно-спортивной игры «Зарница» [Приказ № 1 1967: 1], а в 1972 г. начинается всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина — СССР».

Вплоть до 1981 г. Великая Отечественная война была далеко не единственной темой поисков и походов. Рубрика штаба красных следопытов в «Ленинских искрах» называлась «КС 1917–1957», а Всесоюзный поход молодежи по местам боевой славы советского народа не ограничивал школьников и их учителей темой недавней войны. Более того, уже в 1966 г. он был переименован во «Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа». Новое название как будто специально подчеркивало все возможные варианты героического прошлого, частью которого были революция, Гражданская война и даже шире — местная история. Первой акцией, посвященной памяти о Великой Отечественной войне, стала всесоюзная поисковая экспедиция комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников «Летопись Великой Отечественной», стартовавшая в 1981 г. [Постановление 1981].

Официальные призывы к поиску и патетические истории экспедиций создавали героический образ следопытов, продол-

жающих подвиг отцов и дедов¹ и выполняющих долг перед современниками и потомками [Dahlin 2012: 213–214]. Со страниц книг и газет комсомольские лидеры и военачальники призывали молодежь отправиться «в поход по маршрутам долга и памяти», а сам Всесоюзный поход был назван «операция “Долг”» [Иконников, Тарасов 1982: 15]. «Мы ждем от вас, молодые следопыты, — говорилось в воззвании ЦК ВЛКСМ 1965 г., — что вы пополните новыми экспонатами музеи, установите новые обелиски и приведете в порядок, там где это нужно, могилы павших героев, создадите кинофильмы и фотовыставки, запишите воспоминания участников Великой Отечественной войны, опишите и отмаркируете маршруты, проведете слеты с военизированными играми и соревнованиями» [Подвиг отцов 1965: 4].

Создавая символы народного долга и народной воли, требующей увековечить память о героях и подвигах, государство передавало следопытам все функции коммеморации военного прошлого. «Традиции постигаются не только со слов и не только по страницам учебников, говорил маршал И.Х. Баграмян. — Их надо пропустить через сердце. А это значит и самому подняться на ту самую безымянную высоту, которую до последнего патрона и до последней капли крови защищали твои ровесники из грозного сорок первого. Это значит найти ту землянку, куда возвращались после рейда по вражеским тылам партизаны. Это значит самому поставить скромный красноезвездный обелиск с именем павшего воина на недавно безымянной могиле» [Иконников, Тарасов 1982: 4]. Ответом на комсомольские призывы стали публикации о том, как пионеры взяли шефство над братской могилой, установили личность погибшего и нашли его родственников, поставили памятник и организовали школьный уголок боевой славы. Молодежь, представляющая весь советский народ, поднялась на дело памяти и долга, работая на стройках и собирая деньги на установление памятников и обелисков [Гори 1959: 8].

Парадоксальность политики памяти 1960–1980-х гг. заключалась в передаче мемориальных полномочий обществу, от лица и имени которого должно было выступать организованное следопытское движение. Само же прошлое в лице сотен тысяч захороненных солдат, чьи личности были не установлены, а могилы не найдены, а также их родственников, ничего не

¹ Показательно, как в литературных историях поиска первое лицо рассказчика-следопыта превращается в первое лицо героя-красноармейца (ср.: «Я читаю выбранные из писем Сергея записки о Зарубе, и за строками мне видится хмурый январский день сорок четвертого, стремительно несущиеся над самыми головами темные косматые тучи, подмерзший серо-белый, весь в заиндлелой траве, склон высоты. Только что мы неожиданным броском, почти без выстрелов, ворвались в немецкие траншеи и соединились с выходящими из вражеского тыла остатками десанта Главацкого» [Иконников, Тарасов 1982: 30]).

знающих о судьбе погибших, числящихся пропавшими без вести, предметом государственного регулирования не стало. Более того, следопытское движение во многом было конструктом, созданным на страницах советских газет и публикаций 1960–1970-х гг.

Память своими руками

Запишем, зарисуем мы, найдем везде и все
И экспонаты новые в музеи принесем.
Найдем в лесу могилу мы, — цветами уберем.
Места сражений памятных на карту нанесем¹.

Широкомасштабная кампания по проведению всесоюзных молодежных слетов, военно-спортивных игр и походов, начавшаяся в 1960-е гг. и продолжавшаяся вплоть до конца 1980-х, способствовала созданию образа следопытского движения как единого и монолитного объединения школьных и комсомольских групп, работающих во имя увековечивания героического советского прошлого. На практике же это была разнонаправленная и лишенная центра работа, проводимая в больших и маленьких населенных пунктах отдельными учителями и группами школьников. Такая деятельность была одновременно связана с туризмом, созданием школьных музеев и коммеморацией памяти погибших в Великую Отечественную войну.

Для анализа практик следопытской работы я обращаюсь к материалам одного небольшого клуба следопытов, сохранившимся в архиве Питкярантского краеведческого музея им. В.Ф. Себина. История этого клуба вполне типична для организаций такого рода и, несмотря на фрагментарность доступных материалов, позволяет увидеть некоторые внутренние механизмы следопытского движения.

Питкяранта, районный центр Питкярантского района Карельской АССР, — место тяжелых боев времен Зимней (1939–1940) и Великой Отечественной войн (1941–1944). Места сражений, непосредственно прилегающие к городу, до сих пор называются Долиной Смерти, несмотря на то что еще в советское время этот район был переименован в Долину Героев. Первая группа следопытов в Питкяранте была создана в 1965 г. Василием Федоровичем Себиным. По воспоминаниям самого Себина, в группу вошли дети и подростки, «опаздывавшие и пропускавшие уроки по причине поиска в лесах оружия, взрывчатых веществ» [АПГКМ. Военно-патриотическое. Л. 3]. Долина

¹ Саша Петров. 7-б класс, 207-я школа. «Песня красных следопытов», присланная на конкурс Красных следопытов в газету «Ленинские искры» [Наш конкурс 1957: 3].

Смерти, усеянная следами боев, и сейчас остается местом поиска военных трофеев.

Сам Василий Федорович Себин родился в 1925 г. в Череповецком районе Вологодской области, был участником войны, а в послевоенные годы работал военруком в школе № 1 г. Питкяранты. После того как в 1947 г. должности военруков в общеобразовательных школах были отменены, он стал преподавателем физкультуры и начальной военной подготовки. В разные годы был также заместителем директора и секретарем партбюро школы, а в 1989 г. вошел в президиум Питкярантского отдела ВООПИК.

В состав первого отряда входили 18 подростков — учеников 5–7 классов (ил. 3, 4). К концу 1960-х гг. он стал называться Клубом красных следопытов и включал уже несколько десятков человек. Импульсом к образованию отряда стало письмо, полученное в декабре 1964 г. учениками средней школы № 1 от детей из Чистовской школы Казахстана, которые просили сообщить о месте и состоянии могилы их земляка — героя Советского Союза лейтенанта С.Я. Киреева. Как пишет Себин, «за поиск взялись пионеры, затем комсомольцы, но безуспешно» [АПКМ. Военно-патриотическое. Л. 3]. Именно после этого Себин решил собрать местных школьников и организовать отряд следопытов. «В те же годы я работал секретарем партбюро школы и решил их использовать в нужном направлении. Ходил с ними по выходным в поход, иногда с [нрзб.], беседовал и сказал: “Питкяранта богата боевыми традициями, давайте создадим музей боевой славы” и ребята горячо взялись за дело, а главное не стали пропускать уроков, все они в свое время окончили школу. Отряд затем перерос в клуб красных следопытов, в который входили по 50–60 чел.» [АПКМ. Военно-патриотическое. Л. 4].

Созданная в 1967 г. школьная комната боевой славы (1967–1969) была преобразована к 25-летию освобождения района в Музей боевой славы (1969–1975), получивший три комнаты на территории местного целлюлозного комбината. Позднее он стал музеем на общественных началах (1975–1980), школьным музеем (1980–1991), а с 1991 г. — Государственным краеведческим музеем г. Питкяранты, которому после смерти Себина было присвоено его имя (ил. 5).

Деятельность местных школьников не ограничивалась следопытской работой. Себин возглавлял районные штабы игр «Зарница» и «Орленок», участвовал в организации слетов мальчишек, соревнований полевой стрельбе и т.д., а дети, входившие в отряд, регулярно получали награды на этих и других мероприятиях, организованных на всесоюзном уровне и проводившихся в районе и республике.

Ил. 3. Члены Клуба красных следопытов средней школы № 1 г. Питкяранты (АПГКМ. Фотоматериалы)

Ил. 4. Командир отряда Ветчинников Сережа докладывает директору школы о готовности отряда отправиться в многодневный поход (спиной стоит руководитель похода В.Ф. Себин). 1966 г. (АПГКМ. Военно-патриотическое. Л. 8)

Ил. 5. 30 лет освобождения города. 10 июля 1974 г.
(АПГКМ. ВПМ-848)

Разнообразие форм социальной мобилизации, в которой участвовали члены Клуба красных следопытов, обеспечивало сам институт школьного объединения устойчивостью, открывая его членам перспективы общения и путешествий и создавая возможности для социальных лифтов и мобильности.

В то же время для Себина главная цель работы клуба заключалась не в путешествиях и туризме, а в мемориализации военного прошлого. Показательна в этом отношении формула, использованная им для обоснования следопытской деятельности: «Питкьяранта богата боевыми традициями, давайте создадим музей боевой славы». Для следопытов 1940–1950-х гг. музей не был непременно итогом работы. Однако в середине 1960-х школьные музеи боевой славы становятся повсеместными витринами локального знания и формами местной коммеморации военного прошлого. Идея не только увидеть и узнать, но и сохранить, показать и рассказать местную военную историю выходит в это время на первый план, определяя формы работы и их главную ценность.

«Нужное направление» поисковой работы, о котором говорил Себин, означало не просто организацию свободно разгуливающих по местам боев школьников, но и открытие местной войны с ее собственными ландшафтом и героями. Трансформация локальной памяти, главным агентом которой в данном случае выступали Себин и его следопыты, становилась первоочередной задачей, а местные жители, не знавшие «ни даты освобождения города, ни его освободителей», — основными объектами такой трансформации. В планах работы Клуба красных следопытов на 1965–1966 учебный год значились и беседы с ветеранами, и уточнение списков погибших. На этот же год было запланировано создание Книги боевой славы, куда должны были заноситься имена всех участников боев за Питкьяранту, а также составление карты, на которую предполагалось нанести все места захоронений, оборонительных сооружений и боев в 1944 г. [АПГКМ. Планы занятий. Л. 69 об.]. В музее проводились экскурсии, уроки по истории и литературе, сборы пионерских отрядов, семинары, пленумы ДОСААФ и ВООПИК, уроки мужества и политзанятия.

Просветительский пафос следопытской деятельности прослеживается и в обосновании ее результатов: «Благодаря деятельности следопытов, — пишет Себин, — установлены дата освобождения города и кто его освобождал, об этом говорят факты — сейчас каждый житель города знает дату освобождения и кто освобождал, ибо ежегодно 10 июля город празднует начиная с 1969 года день освобождения и принимает своих освободителей» [АПГКМ. Себин. Л. 34].

Меняя местную память о войне и создавая локальную агиографию героев, отряд красных следопытов оказывался главным, а нередко единственным институтом военной памяти, исполнявшим одновременно роль собирателя информации и ее основного источника. Материалы клуба, сохранившиеся в крае-

ведческом музее, содержат десятки обращений в различные инстанции с просьбой выслать материалы о дивизиях и армиях, сражавшихся на территории района, а также о погибших здесь солдатах и офицерах. Пытаясь собрать информацию, школьники и сам В.Ф. Себин писали в Отдел учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии, партийный архив Карельского обкома КПСС, архивный отдел при Совете Министров КАССР, горвоенкоматы. Типичный ответ из Отдела учета персональных потерь звучал так: «На письмо клуба “Красных следопытов” сообщая места захоронения Героев Советского Союза: — ст. сержант Черняев Виктор Васильевич похоронен южнее озера Ниет-Ярви Питкярантский район; — сержант Мартыненко Иван Павлович похоронен 4 км севернее г. Питкяранта. Более точными сведениями о местах захоронения Отдел не располагает» [АПГКМ. Архивные документы. Л. 94].

Подполковник Лебедев, подписавший ответ следопытам из Сортавальского горвоенкомата и сообщивший, что «горвоенкомату ничего не известно о судьбе Василия Федоровича Алексеева, а также его захоронении», рекомендовал ребятам связаться для установления интересующих их данных с красными следопытами средних школ г. Сортавалы [АПГКМ. Архивные документы. Л. 59]. Уже к концу 1960-х гг. клубы красных следопытов стали основными институтами местной военной истории. Вместо того чтобы обращаться за материалами в архивы и отделы учета потерь, ветераны, родственники погибших и члены других следопытских объединений писали друг другу.

Письмо пионеров чистовской школы, с которого и началась деятельность питкярантского клуба, было типичной формой обращения к следопытам:

«Дорогие пионеры средней школы № 1 г. Питкяранта! Пишут вам пионеры дружины им. Н. Островского. Мы узнали, что в вашем городе погиб и похоронен наш земляк, Герой Советского Союза Семен Яковлевич Киреев. Мы о нем еще мало знаем, так как мы создаем в нашей школе музей, то очень просим вас написать о нашем земляке, выслать его фотографию. Может быть вам что-нибудь известно о его родных. С уважением к вам пионеры дружины» [АПГКМ. Письма. Л. 44]¹.

¹ Аналогичные обращения приходили следопытам и из других школ. Приведу только два примера. «Дорогой друг красный следопыт! Пишут вам пионеры 5 “б” класса Ляскельской средней школы. Мы хотим бороться за имя карельского героя. Пришлите пожалуйста нам имена нескольких героев погибших за нашу Родину в Питкярантском районе. С пионерским приветом ученики 5 “б” класса» (1968) [АПГКМ. Письма. Л. 48]. «Отряду Красных следопытов от пионеров 2 отряда Мантсинсаарской 8 л. школы. Мы, пионеры второго отряда, очень просим помочь нам в выборе героя, за имя которого боролся бы наш отряд. Очень хотелось бы, если бы он сражался в Карелии. С пионерским приветом — II отряд» (1968 г.) [АПГКМ. Письма. Л. 46].

Несмотря на широкомасштабную кампанию по увековечиванию образа священной войны и великой победы и целый ряд общесоюзных мероприятий, призванных объединить советскую молодежь в едином порыве памяти, следопытское движение не имело ни центра, ни общей структуры, а существовало в форме горизонтальной социальной сети, связывающей клубы по всей стране. Карта, демонстрирующая эти связи, стала одним из экспонатов школьного музея (ил. 6).

Постепенно местные следопытские отряды берут на себя все коммеморативные функции, связанные с локальной памятью о войне: они собирают информацию о местах боев и личном составе боевых дивизий, находят родственников погибших, устанавливают места индивидуальных и братских захоронений. В.Ф. Себин активно занимается регистрацией захоронений в ВООПИК. В черновике отчета о деятельности поисковой группы он специально пишет о том, что «за 15 лет деятельности поисковой группы установлено и взято на учет обществом ВООПИК 46 братских могил вместо 6 в 1965 году. Установлено документально, что за наш район погибло свыше 35 тысяч воинов» [АПКМ. Себин. Л. 35].

Ил. 6. Фотостенд на экспозиции Музея боевой славы «Питкярантцы в годы Великой Отечественной войны» (АПКМ. ПГМ-848)

Канонизация героев Великой Отечественной войны в середине 1960-х гг. сопровождалась активной кампанией по присвоению их имен площадям, улицам и школам. Однако специфика этой ситуации заключалась в том, что уроженцы города или села погибали, как правило, сражаясь за другую местность. Увекоченные в названиях улиц имена ни о чем не говорили местным жителям. Пионеры же обращались друг к другу в надежде получить сведения о своих земляках, с чьими родственниками еще можно было встретиться и памятники которым можно было установить на родине.

По мнению Роберта Хорнсби, одной из главных задач, которую решали всесоюзные походы по местам боевой славы, было прославление отдельных республик, городов, деревень, заводов и включение их в общесоветскую историю победы [Hornsby 2017: 444]. Поощрение локальных форм коммеморации стало важным знаком мемориальной политики послесталинского времени [Ibid.: 443], частью которой было и следопытское движение. Работа следопытов позволяла локализовать военное прошлое в местном ландшафте и одновременно вписать свой край в «большую историю». Заметками об открытиях, сделанных следопытами в различных уголках Советского Союза, пеэстрят «Ленинские искры» 1960-х гг. Но, как ни парадоксально, несмотря на широкое внимание, уделявшееся центральной прессой работе пионеров, «большая история» оставалась глуха к их открытиям.

Деятельность следопытов продолжала ассоциироваться исключительно с молодежным досугом, туризмом и развлечением, не получая никакой поддержки со стороны районных администраций и военкоматов и не оказывая влияния на мемориальную политику и историографию. Играя роль первооткрывателей местного прошлого и создателей локального героического пантеона, следопыты оставались всего лишь активными пионерами, комсомольцами или их руководителями, нашедшими удачное приложение своей энергии. Вспоминая свою работу, В.Ф. Себин записал, а потом зачеркнул запись в тетрадке: «В 1972 году я, как руководитель красных следопытов, решил отойти, бросить эту “никому ненужную работу”». Начался новый 1972–73 уч. год, сентябрь, октябрь я молчу, никаких признаков следопытской работы, и что же случилось. Школьники-следопыты настойчивыми просьбами сходить с ними в поход вновь заставили меня продолжать вести поисковую работу, руководить музеем, ходить в походы» [АПГКМ. Себин В.Ф. Об опыте. Л. 36].

Отсутствие в СССР специальных институтов мемориализации погибших и практика делегирования этих функций низовым

молодежным организациям привели к еще большим противоречиям в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Споры о прошлом, массовые публикации воспоминаний и автобиографий, создание Народного Архива¹ и целый ряд других инициатив, связанных с тем, что Лиза Киршебаум назвала «модусом разоблачения» (*exposé*) [Kirschenbaum 2006: 233], сделали «память» и «забвение» главными категориями в обсуждении прошлого в целом и мемориальной политики в частности. Для следопытов слово «память» также стало ключевым понятием, позволяющим придать их деятельности глобальный, не только общенациональный, но и общечеловеческий, смысл. Считая себя основными агентами локальной мемориализации прошлого, первооткрывателями местной истории и во многом действительно выполняющая эту функцию, следопыты не могли больше удовлетворяться позицией организаторов молодежного досуга, которая была предписана им государством. В новой системе категорий «следопыты» видели себя борцами с «забвением», считая, что их деятельность стала таким же предметом забвения, как и героическая смерть солдат Великой Отечественной².

Заключение

История следопытского движения, как и многих других форм социальной мобилизации брежневского периода, была связана с целым рядом противоречий. Общесоюзные кампании по увековечиванию памяти о войне делали ставку на гражданские инициативы, делегируя коммеморативные функции местным активистам, а не создавая государственные институты памяти, подобные тем, что существовали в Европе и США [Hoshower-Lerro 2002; Groen et al. 2015]. Следопыты становились не только *vox populi*, но еще и *manus populi* — руками народа, создающего собственную память о прошлом, приобретающую, таким образом, легитимность и способную стать основой национальной идеи.

¹ О всплеске числа публикаций воспоминаний и создании Народного Архива в конце 1980-х гг. см.: [Раренго 2009: 1–2], о спорах по поводу прошлого на страницах публицистических журналов и в литературе: [Елисеева 2001; Воронина 2016] и в целом об одержимости историческими «откровениями» в эпоху перестройки: [Tumarkin 1994: 164–165].

² В записной книжке В.Ф. Себина есть записи, относящиеся к этому времени: «22 июня — День Памяти павших на войне, не вернувшихся с войны. Невероятно, но факт — останки воинов словно скелеты павших и брошенных животных лежат на Земле. И это в цивилизованном обществе. Такого не допускали даже варвары. В оправдание кто-то скажет “Работа проводится”. Знаем, проводится... Но не на десятилетия же растягивать обряд похорон павших воинов, возложив его на малочисленные группы школьников. И если на это священное дело нам не хватило 45 лет, то давайте сделаем это в ближайшее время. Горько от осознания и своей вины. Это они эти святые люди — сделали все, что могли, заслонили нас от беды. А мы... [Ниже другим цветом приписано:] Надругательство над памятью павших, погибших в бою» [АПГКМ. Записная книжка. Б.п.].

Как и в случае с развитием краеведения, следопытская работа включалась в число поддерживаемых государством инструментов коренизации понятия «советское» на всем пространстве СССР. Но и результат этого процесса был аналогичным — местные группы школьников, возглавляемые ветеранами и учителями, сталкивались не столько с великой «памятью», сколько с великим «беспамятством» — безымянными могилами, не захороненными трупами, отсутствием информации о боевых действиях и сражавшихся солдатах. Открытие Зимней войны, о которой в 1960–1980-е гг. не было принято ни писать, ни рассказывать, стало прямым следствием работы группы В.Ф. Себина в Питкяранте, также как открытие Долины Смерти в Мясном Бору — результатом работы Н.И. Орлова.

Активизация работы следопытов приводила к пересмотру военной и местной истории, а сами они становились главными экспертами в области локального прошлого. В то же время в официальной кампании 1960–1980-х гг. следопытское движение определялось как молодежное, преследующее исключительно воспитательные и педагогические цели¹. Детям-следопытам отводилась роль благодарных потомков и любителей прошлого, но никак не авторов, переписывающих историю Великой Отечественной войны.

Несоответствие социальной роли следопытов их государственному статусу и противоречивость советской политики памяти в целом привели к дистанцированию поисковиков от государственных институтов, заметному даже после издания в 1993 г. закона «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», устанавливавшего правила поисковой работы². Согласно этому и последующим юридическим актам, коммеморативные функции «по увековечению памяти погибших при защите Отечества» и сегодня остаются делом общественных объединений.

¹ Методические рекомендации по организации поисковой деятельности в пионерском отряде были изданы Главным управлением народного образования Мосгорисполкома и Московским городским институтом усовершенствования учителей. В этой брошюре сообщалось о том, что «[к]лассный руководитель консультирует пионеров и их вожатых, приходит им на помощь, если это необходимо, корректирует действия красных следопытов. Он может и сам непосредственно участвовать вместе с детьми в поиске. Однако его деятельность теперь должна быть ограничена, тем более если на предыдущем этапе педагог создал необходимые условия для самостоятельной работы пионеров» [Иващенко, Иванова 1979: 2].

² Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».

Сокращения

АПГКМ — Архив Питкярантского городского краеведческого музея им. В.Ф. Себина

Архивные материалы

АПГКМ. *Себин В.Ф.* Об опыте работы музея Боевой Славы, поисковой работы и роли походов по местам боевой славы. Рукопись // Материалы по истории музея. Архив ПВМ. Л. 29–40.

АПГКМ. Записная книжка.

АПГКМ. Архивные документы. Архив ПГМ.

АПГКМ. Письма «Красных следопытов». Архив ПГМ.

АПГКМ. Военно-патриотическое воспитание учащихся в процессе работы по созданию музеев и уголков боевой славы в Питкярантской средней школе. Рукопись.

АПГКМ. Планы занятий — работы ККС на 1965–66 уч. год. Материалы по истории музея. Архив ПГМ. Л. 69–89.

Источники

Ачмиз Г.У. Вышли в путь романтики. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1977. 208 с.

Воспоминания Николая Ивановича Орлова // Комендант «Долины смерти». Великий Новгород: Б.и., 2013. С. 83–137.

Гори, костер, ярче! М.: Молодая гвардия, 1959. 144 с.

Грандова В.М., Тимофеева Н.А. (сост.). Дорогой отцов — дорогой победы: из опыта работы отрядов красных следопытов. М.: Педагогика, 1974. 127 с.

Зефиоров Л.Г. Память зовет в дорогу. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1968. 123 с.

Иващенко Г.М., Иванова Л.П. (сост.). Организация поисковой деятельности в пионерском отряде: Метод. рекомендации / Моск. гор. ин-т усоверш. учителей. М.: Б.и., 1979. 18 с.

Иконников Ю., Тарасов А. Связные истории. М.: Молодая гвардия, 1982. 303 с.

Клейменов А.Н. По долгу памяти // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 3–10.

Кочергина Л.Д., Новикова И. Боевыми дорогами отцов. Ставрополь: Кн. изд-во, 1971. 152 с.

Красные следопыты // Ленинские искры. 1957, 26 мая. № 42 (2801).

Лишин О.В., Лишина А.К. Это нужно живым. М.: Педагогика, 1990. 204 с.

Мойжес А., Богданова Д. Красные следопыты // Гори, костер, ярче! М.: Молодая гвардия, 1959. С. 3–26.

Наш конкурс // Ленинские искры. 1957, 27 июня. № 51 (2810).

Подвиг отцов зовет в дорогу. Обращение ЦК ВЛКСМ к комсомольцам и молодежи // Комсомольская правда. 1965, 1 июня. № 126.

- По дорогам священным. М.: Молодая гвардия, 1974. 142 с.
- Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ о проведении всесоюзной поисковой экспедиции комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников «Летопись Великой Отечественной». М.: Б.и., 1981. 16 с.
- По стране шагают следопыты. М.: Молодая гвардия, 1968 (на тит. л. ошибочно: 1958). 127 с.
- Приказ Штаба КС // Ленинские искры. 1957, 9 июня. № 46 (2805).
- Приказ № 1 командующего Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница» маршала артиллерии Героя Советского Союза В. Казакова // Пионерская правда. 1967, 10 янв. № 3 (5066).
- Седина И.Д.* Дорогой героев. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1974. 79 с.
- Смирнов Ю.А.* «Особенности национального беспамятства, переходящего в маразм» // Союз поисковых отрядов Российской Федерации. Б.г. <<https://goo.gl/qjKTRq>> [удалена с сайта в конце апреля 2018 г., последний просмотр — 24 апреля].
- Сорокин Ю.К.* (ред.-сост.). Тропую героев. М.: Молодая гвардия, 1977. 176 с.
- Что надо знать // Ленинские искры. 1957, 9 июня. № 46 (2805).

Библиография

- Воронина Т.Ю.* О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен // Новое литературное обозрение. 2016. № 1 (137). С. 206–231.
- Голубев А.* Прокрустово ложе бинарных оппозиций. Отзыв на доклад ВАО «Какое прошлое нужно будущему России» // Историческая экспертиза. 2017. № 3 (12). С. 58–64.
- Дискуссия по поводу доклада «Какое прошлое нужно будущему России?» // Историческая экспертиза. 2017. № 3 (12). С. 27–103.
- Донован В.* «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379–402.
- Елисеева Н.В.* Советское прошлое: начало переоценки // Российская история. 2001. № 2. С. 93–105.
- Конасов В.Б., Судаков В.В.* К истории вопроса о персональных потерях личного состава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны и увековечении памяти защитников отечества // Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н. ...Пока не похоронен последний солдат: очерки и документы. Вологда; М.: Волог. ин-т повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1997. С. 3–11.
- Мелихова Ю.А.* История молодежного поисково-краеведческого движения в России в 40-е — начале 90-х годов XX века: на материалах Курской области: Дис. ... к.и.н. Курск, 2011. 256 с.
- Митрохин Н.А.* Русская партия: движение русских националистов в СССР: 1953–1985 годы. М.: НЛЮ, 2003. 617 с.
- Разувалова А.* Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛЮ, 2015. 431 с.

- Рубцов А., Юдин Г., Хлевнюк Д.* Какое прошлое нужно будущему России? Результаты социологического исследования [Презентация] // Комитет гражданских инициатив. 2017, 23 янв. <<https://komitetgi.ru/analytics/3076/#1>>.
- Усыскин Г.С.* Очерки истории российского туризма. М.; СПб.: Герда, 2000. 219 с.
- Хелльбек Й.* Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Не-прикосновенный запас. 2010. № 4 (72). <<http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2-pr.html>>.
- Хелльбек Й.* (отв. ред.). Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / Пер. с нем. К. Левинсона; послесл. И. Калинина. М.: НЛО, 2015. 672 с.
- Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Пер. с англ. В. Артемова. М.: НЛО, 2012. 544 с.
- Цуканов И.П.* Идеологизация поисково-краеведческой работы в школах РСФСР в 1956–1965 гг. // Коровин В.В. (ред.). Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны. Курск: Университетская книга, 2016. С. 266–271.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2016. 661 с.
- Budny Y.M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 352 p.
- Dahlin J.* Kriget är inte över förrän den sista soldaten är begravnen: Minnesarbete och gemenskap kring andra världskriget i S:t Petersburg med omnejd. Norrköping: Linköping University Electronic Press, 2012. 237 p. (Linköping Studies in Arts and Science. No. 567).
- Donovan V.* “How Well Do You Know Your Krai?” The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // Slavic Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 464–483.
- Edele M.* Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. Oxford: Oxford University Press, 2008. 334 p.
- Groen W.J.M., Márquez-Grant N., Janaway R.C.* (eds.). Forensic Archaeology: A Global Perspective. Chichester, UK: Wiley Blackwell, 2015. 618 p.
- Hanson S.E.* The Brezhnev Era // The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 3: Suny R.G. (ed.). The Twentieth Century. P. 292–315.
- Hornsby R.* Soviet Youth on the March: The All-Union Tours of Military Glory, 1965–87 // Journal of Contemporary History. 2017. Vol. 52. No. 2. P. 418–445.
- Hoshower-Leppo L.* Missing in Action: Searching for America’s War Dead // Schofield J., Johnson W.G., Beck C.M. (eds.). Matériel Culture: The Archaeology of Twentieth-Century Conflict. L.; N.Y.: Routledge, 2002. P. 80–90.

- Kirschenbaum L.A.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 309 p.
- Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. 304 p.
- Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. N.Y.: Basic Books, 1994. 242 p.
- Verdery K.* The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. N.Y.: Columbia University Press, 1999. 185 p.

By the People's Hands: The *Sledopyt* Movement in the USSR of the 1960–1980s

Ekaterina Melnikova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
melek@eu.spb.ru

The paper is concerned with the development of the search movement in the USSR and aims at two main goals: to recover the contradictions in the relationship between the *sledopyty* (pathfinders) and the state in the 1960–1980s, and to identify the inherent mechanisms of the movement which shaped its role and significance in the everyday life of the Soviet people in the Brezhnev era. The article is broken into several sections focused on memorial politics towards the war burials which provoked the first searching initiatives in the post-war Soviet Union, the subsequent political instrumentalization of the searching movement and the forms of the everyday pathfinders' activity reconstructed via the archival materials of the provincial Red Pathfinders Club. The Soviet war commemoration campaign relied on the transference of commemorative roles to local activists who served to legitimize the national war memory being not only vox populi but rather manus populi — the nation's hands which created their own memory. The results of such a politics were similar to the other cases of the state-supported social movements in the 1960–1980s and provided for development of social activity on grass-roots level followed by the discovery and revision of local history. The searchers became the key war history experts on the local ground and the principal agents of local commemoration

keeping the prescribed official status of voluntary youth organizations with only entertaining and educational goals. The Soviet memorial politics controversies made for creation of a fundamental rupture between the searchers and the state which still remains vital until today.

Keywords: searchers, red pathfinders, anthropology of memory, history of the stagnation, social movements, USSR.

References

- Brudny Y. M., *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998, 352 pp.
- Dahlin J., *Kriget är inte över förrän den sista soldaten är begravnen: Minnesarbete och gemenskap kring andra världskriget i S:t Petersburg med omnejd*. Norrköping: Linköping University Electronic Press, 2012, 237 pp. (Linköping Studies in Arts and Science, no. 567).
- ‘Diskussiya po povodu doklada “Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii?”’ [Discussion on the Report “Which Past Does Russian Future Need?”], *Istoricheskaya ekspertiza*, 2017, no. 3 (12), pp. 27–103. (In Russian).
- Donovan V., “‘Idya nazad, shagaem vpered’: kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoy pamyati v Severo-Zapadnom regione, 1956–1981’ [“Going Back, We Step Forward”: *Kraevedcheskie* Museums and the Making of Local Memory in North West Russia, 1956–1981], *Antropologicheskij forum*, 2012, no. 16, pp. 379–402. (In Russian).
- Donovan V., “‘How Well Do You Know Your Krai?’ The *Kraevedenie* Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia’, *Slavic Review*, 2015, vol. 74, no. 3, pp. 464–483.
- Edele M., *Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 334 pp.
- Eliseeva N. V., ‘Sovetskoe proshloe: nachalo pereotsenki’ [The Soviet Past: Beginning of the Revaluation], *Rossiyskaya istoriya*, 2001, no. 2, pp. 93–105. (In Russian).
- Golubev A., ‘Prokrustovo lozhe binarnykh oppozitsiy. Otzyv na doklad VIO “Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii?”’ [Procrustean Bed of Binary Oppositions. The Response to the Report of the Free Historical Society “What Past Does the Russian Future Need?”], *Istoricheskaya ekspertiza*, 2017, no. 3 (12), pp. 58–64. (In Russian).
- Groen W. J. M., Márquez-Grant N., Janaway R. C. (eds.), *Forensic Archaeology: A Global Perspective*. Chichester, UK: Wiley Blackwell, 2015, 618 pp.
- Hanson S. E., ‘The Brezhnev Era’, *The Cambridge History of Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, vol. 3: Suny R. G. (ed.), *The Twentieth Century*, pp. 292–315.

- Hellbeck J., 'Povsednevnyaya ideologiya: zhizn pri stalinizme' [Everyday Ideology: Life under Stalinism], *Neprikosnovennyi zapas*, 2010, no. 4 (72). <<http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2-pr.html>>. (In Russian).
- Hellbeck J., *Stalingrad: The City That Defeated the Third Reich*. New York: Public Affairs, 2015, 500 pp.
- Hornsby R., 'Soviet Youth on the March: The All-Union Tours of Military Glory, 1965–87', *Journal of Contemporary History*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 418–445.
- Hoshower-Leppo L., 'Missing in Action: Searching for America's War Dead', Schofield J., Johnson W. G., Beck C. M. (eds.), *Matériel Culture: The Archaeology of Twentieth-Century Conflict*. London; New York: Routledge, 2002, pp. 80–90.
- Hosking G., *Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2006, 496 pp.
- Kirschenbaum L. A., *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press, 2006, 309 pp.
- Konasov V. B., Sudakov V. V., 'K istorii voprosa o personalnykh poteryakh lichnogo sostava Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i uvekovechenii pamyati zashchitnikov otechestva' [On the Question of the Military Losses of Red Army Personnel during the Years of the Great Patriotic War and Commemoration of the Defenders of the Fatherland], Konasov V. B., Sudakov V. V., Bystritskiy A. N. (eds.), *...Poka ne pokhoronen posledniy soldat* [...Until the Last Fallen Soldier Is Buried]: Essays and Documents. Vologda; Moscow: Vologda Institute for Advanced Training and Retraining of Teachers Press, 1997, pp. 3–11. (In Russian).
- Melikhova Yu. A., *Istoriya molodezhnogo poiskovo-kraevedcheskogo dvizheniya v Rossii v 40-e — nachale 90-kh godov XX veka: na materialakh Kurskoy oblasti* [The History of the "Searching" and *Kraevedcheskoe* Movement in Russia of the 1940s — Beginning of the 1990s: On the Materials of Kursk Region]: Diss. Kursk, 2011, 256 pp. (In Russian).
- Mitrokhin N. A., *Russkaya partiya: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR: 1953–1985 gody* [The Russian Party: The Movement of the Russian Nationalists in the USSR: 1953–1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, 617 pp. (In Russian).
- Paperno I., *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009, 304 pp.
- Razuvalova A., *Pisateli—"derevshchiki": literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [Writers—"Derevshchiki": Literature and Conservative Ideology of the 1970s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 431 pp. (In Russian).
- Rubtsov A., Yudin G., Khlevnyuk D., 'Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii? Rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya (Prezentatsiya)' [What Past Does the Russian Future Need? Results of Sociological Research (Presentation)], *Komitet grazhdanskikh*

initsiativ [Committee of Civil Initiatives], 2017, Jan 23. <<https://komitetgi.ru/analytics/3076/#1>>. (In Russian).

- Tsukanov I. P., 'Ideologizatsiya poiskovo-kraevedcheskoy raboty v shkolakh RSFSR v 1956–1965 gg.' [Ideologization of the Searching and Local History Work in the Schools of the RSFSR in 1956–1965], *Nam etot mir zaveshchano berech: problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati o sobyitiyakh i geroyakh pervogo perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [We Are Bequeathed to Protect This World: The Issues of Preservation of Historical Memory about the Events and Heroes of the First Period of the Great Patriotic War]. Kursk: Universitetskaya kniga, 2016, pp. 266–271. (In Russian).
- Tumarkin N., *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994, 242 pp.
- Usyskin G. S., *Ocherki istorii rossiyskogo turizma* [Essays on the History of Russian Tourism]. Moscow; St Petersburg: Gerda, 2000, 219 pp. (In Russian).
- Verdery K., *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. New York: Columbia University Press, 1999, 185 pp.
- Voronina T. Yu., 'O starom po-staromu: blokada Leningrada v literature epokhi peremen' [About the Old in the Old Style: The Siege of Leningrad in the Literature of an Era of Change], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 1 (137), pp. 206–231. (In Russian).
- Yurchak A., *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005, 332 pp.